

Поэтъ снѣга и солнца

(ИВАНЪ ШУЛЬЦЕ И ЕГО ТВОРЧЕСТВО)

Къ числу русскихъ художниковъ-эмигрантовъ, имѣющихъ очень большой успѣхъ и на Западѣ и въ Америкѣ, и можно и слѣдуетъ отнести Ивана Федоровича Шульце.

Но успѣхъ Шульце — успѣхъ особенный, успѣхъ скромный и тихій, безъ барабаннаго боя и безъ фанфаръ, коими сопровождается успѣхъ художниковъ модернистическаго типа.

И тѣмъ болѣе знаменателенъ и любопытенъ успѣхъ Шульце, что его живопись — здоровая, реалистическая — совсѣмъ не въ модѣ въ наши претенціозные, сумбурные дни.

Запасшись терпѣніемъ, обойдите витрины всѣхъ картинныхъ магазиновъ Парижа. Ихъ больше ста, но предположите, что ихъ только сто. И лишь приблизительно въ витринахъ десяти изъ нихъ вы

ХУДОЖНИКЪ И. Ф. ШУЛЬЦЕ

увидите картины, трактованныя грамотно, увидите настоящій рисунокъ, увидите настоящую живопись. Всѣ же остальные 90 процентовъ — наглая, невѣжественная мазня съ отрицаніемъ не только формы, а и вообще здраваго смысла.

Но торговцы съ чисто негоціанской ловкостью спекулируютъ на этой мазнѣ, выдавая ее скоро-

спѣлымъ «меценатамъ» за подлинное искусство. Торговцы играютъ на модернистахъ, какъ на биржѣ, то повышая, то понижая безграмотныхъ и безталанныхъ пачкуновъ. Эти кумиры, какъ грибы въ дождь, растутъ и, такъ же, какъ грибы, недолговѣчны. Но, пока они въ модѣ, небольшія картинки, стоимость которыхъ — стоимость испорченнаго холста, расходятся по галереямъ нуворишей и снобовъ по двадцати и тридцати тысячъ франковъ. Трестъ торговцевъ до того держитъ въ своихъ рукахъ судьбу и карьеру художника, до того раздуваетъ лѣвое направленіе, что живописцы-реалисты, далеко не плохіе, далеко не безталанные, буквально нищенствуютъ.

Вотъ отчего, повторяю, успѣхъ Шульце заслуживаетъ исключительнаго вниманія.

Шульце — петербуржець.

Въ ранней молодости онъ писалъ этюды, но у него и въ мысляхъ никогда не было сдѣлаться художникомъ-профессионаломъ. Онъ пробовалъ себя въ другой области. Задолго еще до Ленина, Шульце мечталъ объ электрофикаціи. Ему пришла идея использовать необъятныя спящія силы водопада Иматры въ Финляндіи. Эта идея дорого ему обошлась. «Спеціалисты» обобрали его, и онъ остался съ разбитыми иллюзіями и съ опустошенными карманами...

А жить надо было.

Шульце вспомнилъ про свои этюды и показалъ ихъ знаменитому въ то время академику Крыжицкому.

Крыжицкій, обыкновенно строгій и требовательный, поощрилъ Шульце, и тотъ серьезно отдался живописи.

Черезъ два-три года Шульце дебютировалъ своими картинами на выставкѣ «Товарищества Художниковъ», гдѣ конкурентами его въ пейзажѣ были такіе опасные, обвѣянные многолѣтней славою соперники, какъ Берггольцъ, Крачковскій и маститый Юлій Клеверъ.

Но все-же Шульце былъ тотчасъ же замѣченъ и публикой, и критикой. Да и въ самомъ дѣлѣ нельзя было пройти мимо его изумительныхъ солнечныхъ эффектовъ. Настоящее, живое, ослѣпительное солнце трепетало на его картинахъ, озаряя, зажигая ихъ прямо волшебнымъ сіяніемъ.

Я, посвятившій Ивану Шульце въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» большую статью, подчеркнул, что со временъ Куинджи никто еще не достигалъ такого мастерства въ изображеніи и передачѣ разлитаго въ природѣ солнечнаго свѣта.

Картины Шульце всѣ были раскуплены въ первый же день открытія выставки.

Въ 48 часовъ никому не извѣстный художникъ сталъ знаменитостью.

«ЗИМНИЙ ПЕЙЗАЖЪ» — Картина И. Ф. ШУЛЬЦЕ.

Минуло еще два-три года.

Очередная выставка «Товарищества Художниковъ» устроена была во дворцѣ Великаго Князя Алексѣя Александровича. Великолѣпное царственное помѣщеніе, но въ глухой части Мойки, далеко отъ центра.

Надо было выдумать какой-нибудь «трюкъ», дабы захватить и завлечь пресыщенныхъ петербуржцевъ. Академикъ Крачковскій, много жившій за границей, человѣкъ практичскій, европейской складки, изобрѣлъ слѣдующее:

Публика сама будетъ судьей выставки. Сама скажетъ свой приговоръ. Каждый зритель получитъ билетикъ, и подсчетъ этихъ билетиковъ выявитъ, кто изъ художниковъ «Товарищества» наиболѣе популяренъ въ широкихъ кругахъ.

Результатъ конкурса былъ ошеломляющій въ пользу Шульце. Онъ получилъ около 4.000 голосовъ. Вслѣдъ за этимъ — громадный скачекъ внизъ: около 500 голосовъ получилъ Крачковскій, а уже вслѣдъ за нимъ шли Клеверъ и Берггольцъ.

Клеверъ — царство ему небесное, покойнику,

— на рѣдкость доброжелательный, отъ души поздравилъ Шульце съ такимъ успѣхомъ, обнялъ его и расцѣловалъ...

Въ это самое время Крачковскій писалъ этюды на итальянскихъ озерахъ. Ему послали телеграмму съ подсчетомъ голосовъ. А черезъ два дня изъ Лугано пришла телеграмма о внезапной кончинѣ академика Крачковскаго.

Было ли это совпаденіе, или самолюбивый, впечатлительный Крачковскій не перенесъ собственной неудачи въ связи съ триумфомъ молодого Шульце — трудно сказать.

Главари «Товарищества Художниковъ» вмѣстѣ съ Берггольцемъ, всполошились:

— Если Шульце пойдетъ такъ шагать, онъ всѣмъ намъ сядетъ на голову!

Дабы Шульце не могъ попасть въ члены «Товарищества», на что имѣлъ всѣ права и основанія, главари измѣнили свой уставъ, для чего пришлось побезпокоить Великую Княгиню Марію Павловну, покровительницу «Товарищества Художниковъ».

Но пришла революція и все смела: и «Товари-

щество» съ его интригами, и разметала по бѣлу свѣту его сочленовъ, а Берггольцъ уже въ дни большевиковъ умеръ отъ истощенія и голода въ своей мастерской на Михайловской площади, среди своихъ картинъ и акварелей.

Черезъ нѣсколько лѣтъ скитаній, Шульце очутился въ Парижѣ съ 160 франками, одинокій, чужой и чуждый этому городу, со своими симпатіями, кумирами и божками...

Надо начинать все сизнова...

И всегъ, онъ пишетъ вещицу за вещицей и продаетъ ихъ маленькимъ антикварамъ за маленькую цѣну — 200, 300 франковъ.

Ослѣпительное солнце на однѣхъ вещицахъ, а на другихъ снѣгъ, такой компактный, застывшій въ хрупкой монументальности своей, овладѣли вниманіемъ одного изъ крупныхъ торговцевъ картинами, создающихъ художникамъ положеніе, славу и благополучіе.

Онъ отыскалъ Шульце и предложилъ:

— Я вамъ буду платить въ годъ столько-то.

Все, что вы создадите — будетъ мое! Съ момента, когда картина подписана вами, она уже не ваша.

Этимъ контрактомъ Шульце снялъ съ себя всѣ заботы. Его дѣло — творить. Остальное его не касается.

Онъ побилъ рекордъ, отвоевавъ первенство у заласканныхъ и рекламированныхъ модернистовъ. Главный рынокъ его — Англія и Сѣверная Америка. Тамъ «снѣга» Шульце и его «солнца» въ большой модѣ, въ большомъ почетѣ и въ большой цѣнѣ.

Въ Парижѣ, гдѣ такъ трудно выявить себя и пробиться, онъ заново сдѣлалъ карьеру.

И какую карьеру!

Отъ души порадуемся за нашего симпатичнаго, богато одареннаго соотечественника.

Онъ возвеличиваетъ русское имя наравнѣ съ Малявинымъ, Коровинымъ, Яковлевымъ, Сомовымъ и другими выдающимися художниками...

Ник. Брешко-Брешковскій